

Счастье на матах «Сказка про темноту» Николая Хомерики смотрела Татьяна Алешичева

РЕЖИССЕР НИКОЛАЙ ХОМЕРИКИ учился во французской киношколе. Работал ассистентом на «Регулярных любовниках» у французского мэтра Филиппа Гарреля. На короткой ноге с теперь уже классиком французской «новой новой волны» Лео Караксом — тот даже мелькает в эпизодической роли в его полнометражном дебюте «977». Наконец, Хомерики любимец Канн — три его фильма подряд, включая короткометражку «Вдвоем», были представлены на Каннском фестивале в том или ином качестве. Биография вполне почетная; правда, сразу возникает мысль о ловком конъюнктурщике, который везде успел, поскольку гонит тарковщину на экспорт, на потребу охочим до «русской духовности» неместным интеллектуалам. Мысль в корне неверная. Хомерики действительно снимает отличное кино, которое уже не нуждается в оговорках или скидках на издержки неказистого русского кинопроизводства. Европейское кино в хорошем смысле слова. Вдобавок он ухитряется так обращаться с грубым материалом и довольно неприглядной фактурой, что она приобретает даже некоторое изящест-

во, пусть даже тянет в пересказе скорее на «чернуху».

Главная героиня, милиционерша Геля (Алиса Хазанова), работает с детьми из неблагополучных семей. Хотя в ее обязанности это не входит, она возится с ними, гуляет, придумывает ласковые прозвища. На что получает отповедь от черствой многоопытной начальницы: «роди хоть одного своего, тогда и гуляй». А маленький спасенный принц с золотыми волосами в ответ на Гелины нежности награждает ее отборной характеристикой «а ты одинокая старая п.дюлина». И эта обсценная истина из уст младенца, как триггер, запускает сюжет: Геля выходит на поиски мужчины.

Стоит сразу оговориться, что остальные персонажи Хомерики, типические герои в типических обстоятельствах, тоже разговаривают по преимуществу матом. Коллеги Гели в милицейской куртке, ее случайные ухажеры в лирических сценах, она сама — из всех этих песен слов не выкинешь. Могучий русский мат здесь вряд ли призван обозначить грубость среды. Во всяком случае, не в

первую очередь. Скорее наоборот, молодые и не слишком счастливые люди за словом в карман не лезут, но прячут за показной грубостью свою растерянность, неуверенность и сомнения, а в конечном счете нежность и целомудрие. Прием простейший, но он работает, матерные тирады парадоксально служат объяснениями в любви — просто потому, что банальные признания истрепались уже до полной негодности. Дело в интонации: пресловутые свинцовые мерзости русской жизни Хомерики подает без малейшего надрыва, отстраненно, даже иронично, и они перестают выглядеть мерзостями. Смешная, почти детсадовская перепалка происходит у Гели с Димычем (Борис Каморзин), толстым опером из убойного отдела, который ее, кажется, даже любит, но не умеет об этом сказать, а потому дерзит как школьник. Я перевоспитаю всех трудных подростков, грозит Геля, преступность снизится, и тебе некого будет ловить. Тогда приезжие наверх, парирует Димыч. С одним таким приезжим Геля от безысходности пытается завести роман — и вляпывает-

ся в очередной анекдот: что это за пара, гастарбайтер и милиционерша.

Фильм Хомерики неявно отсылает к киносказкам советской эпохи о поисках суженого, вроде «Самой обаятельной и привлекательной», где этот суженый оказывался в итоге старым приятелем. А главный советский хит о судьбе одинокой женщины, «Москва слезам не верит», Хомерики откровенно пародирует: довольно потертый принц вывозит Гелю на природу, на шашлыки с задумчивым пением Галича под гитару, где и декламирует чудовищные вирши собственного сочинения. Но при всей анекдотичности положений ни сама Геля, ни ее неказистые партнеры не выглядят смешными или нелепыми. Хомерики как-то обходит опасности материала. История про одинокую женщину в поиске не скатывается в банальность, а некогда любимая европейскими интеллектуалами тема отчуждения, безусловно здесь присутствующая, не оборачивается занудством. Даже пресловутый счастливый конец не слишком прост. Он, может, вовсе и не счастливый, а может, даже и не конец.

В прокате с 10 сентября